

Ван Сюньчжи на миг застыл, но, видя непреклонность брата, лишь сказал:

— Я навещу вашу матушку. Ступайте вперёд, я зайду к тебе вечером.

Ван Ичжи кивнул.

Юань Е помахал ему вслед, размышляя о том, что братья, кажется, ладят между собой. Непонятно, почему Цуй-нян не хочет, чтобы старшие сыновья опекали младшего.

Ван Ичжи, заметив его задумчивый взгляд, угадал ход мыслей и пояснил:

— Четвёртый брат обычно живёт в Цзяннине.

— А другие твои братья? — спросил Юань Е, подхватывая тему.

— Они намного старше, мы редко видимся.

И Ань добавил:

— Старший господин служит вдали от дома, второй готовится к экзаменам в Чанъане, третий — будущий глава рода, поэтому всегда следует за отцом. Так что наш господин обычно был один. Но теперь всё иначе — у господина есть господин Юань!

Ван Ичжи споткнулся, едва не упав.

Юань Е едва сдержал смех и, чтобы скрыть его, указал на верхушку дерева:

— Ой, смотрите, какая птица! Кажется, кукушка!

И Ань тут же заинтересовался:

— Господин Юань, как вы узнали? По каким приметам?

— По голосу: «ку-ку», — ответил Юань Е.

— «Ку-ку» — это лягушки квакают... — пробормотал И Ань, вытягивая шею и вглядываясь в листву.

Юань Е схватил Ван Ичжи за руку и потащил за собой, не дав тому опомниться.

И Ань, не найдя птицы, обернулся — а перед ним уже никого не было. Он бросился вдогонку, крича:

— Господин, подождите меня!

Ван Сюньчжи, ещё не успевший отойти далеко, услышал крик и оглянулся. Увидев двух бегущих юношей, он невольно улыбнулся и тихо проговорил:

— Способен вывести пятого брата из себя... У госпожи Цуй и впрямь хороший глаз.

Слуга спросил:

— Что изволили сказать, господин?

— Ничего, — Ван Сюньчжи отвернулся и зашагал дальше, заложив руки за спину.

Тем временем Ван Ичжи, запыхавшись, наконец вырвал руку:

— По... подожди!

Юань Е обернулся и обнаружил, что шапочка Ван Ичжи куда-то исчезла, а волосы растрепались. Он замер, широко раскрыв глаза.

Ван Ичжи, заметив его выражение, дотронулся до головы и нахмурился.

— Виноват, виноват! Сейчас поправлю, — Юань Е протянул руку, с трудом сдерживая смех. — Ступай вперёд, а я вернусь и поищу твою шапочку!

Ван Ичжи уклонился от его прикосновения. Увидев ворота школы впереди, его лицо словно покрылось инеем.

Юань Е почесал нос:

— Ну что ж, ругай, если хочешь. Сам виноват.

Ван Ичжи взглянул на него, выдержал паузу и спросил:

— За что ругать?

Юань Е указал на пряди, выбившиеся у того на висках.

— Подождём И Аня, — бесстрастно сказал Ван Ичжи. — Он приведёт всё в порядок.

Они постояли так немного, пока запыхавшийся И Ань не нагнал их. В руках он сжимал потерянную шапочку. Увидев их, он топнул ногой в сторону Юань Е, но, не тратя времени на слова, тут же принялся поправлять причёску Ван Ичжи и водружать шапочку на место. После этого троица наконец двинулась дальше. Благодаря рывку они, несмотря на задержку, добрались до школы как раз к началу занятий.

Учеников в школе рода Ван было немного — всего семь-восемь человек. Юань Е сел рядом с Ван Ичжи в центре класса. Пока И Ань раскладывал письменные принадлежности, остальные ученики постепенно собрались. После краткого представления Ван Ичжи Юань Е со всеми поздоровался, и в этот момент в класс вошёл учитель.

Юань Е отыскал в стопке книг перед собой первый том «Вэньсюаня» и открыл его. От одного взгляда на текст у него закружилась голова. Он наклонился к Ван Ичжи и прошептал:

— И зачем это учить?

— Чтобы писать сочинения.

— И это поможет стать чиновником?

Рука Ван Ичжи, набиравшая тушь, замерла. Он молча посмотрел на Юань Е:

— Учитель начинает урок.

Юань Е цыкнул и выпрямился.

Учитель окинул класс взглядом, заметил Юань Е, слегка кивнул и, открыв книгу, объявил:

— Сегодняшний урок — «Ода Восточной столице».

Юань Е перевернул страницу вслед за Ван Ичжи. Ода начиналась с меланхолического вздоха «Хозяина Восточной столицы», от которого у него в глазах пошли круги. Учитель пояснил, что эту оду сочинил Бань Мэнцзянь во времена Восточной Хань, а форма её заимствована из «Оды об императорской охоте» Сыма Сянжу. Концовка же служит прелюдией к приложенным пяти стихотворениям. Сегодня они разберут только оду, а стихи оставят на потом, когда будут проходить поэзию. Сначала Юань Е слушал с интересом, но когда учитель углубился в содержание, его вдруг неодолимо потянуло в сон. Помня, что засыпать нельзя, он ущипнул себя за руку и перевёл взгляд на книгу Ван Ичжи — и тут же восторженно вскрикнул. Оказалось, тот тоже слушает вполуха и выводит на бумаге текст явно из другого произведения.

— «Внутри себя ищу прямого пути, / Где обретает дух свою опору»... — тихо прочёл Юань Е и добавил:

— Строка какая-то... напоминает «Скорбь отлученного».

Ван Ичжи отложил кисть:

— Это строка из «Далекого странствия». Оба произведения относятся к «Чуским строфам», так что твоя догадка верна.

— Ого! Меня, неуча, удостоили похвалы! Редкость-редкостью!

Ван Ичжи бросил на него взгляд и, видя его беззаботную улыбку, тихо сказал:

— Я тоже неуч.

— Я-то навсегда, а ты уж точно станешь кем-нибудь, — Юань Е ткнул пальцем в «Шаншу» среди стопки книг. — А почему ты не посоветовал мне изучать это самостоятельно?

Ван Ичжи на мгновение задумался, затем взял кисть и вывел шесть иероглифов: Дянь, Мо, Сюнь, Гао, Ши, Мин.

— Что это значит?

— Основные категории текстов в «Шаншу», — пояснил Ван Ичжи. — В основном это формы официальных документов, в обычной жизни почти не используются. Да и...

Юань Е, видя, что тот замолчал, толкнул его локтем:

— Да и?

Ван Ичжи, тщательно подбирая слова, мягко сказал:

— Язык «Шаншу» архаичен и сложен для понимания. Цитируя господина Чан Ли: «Чжоуские воззвания и Иньские записи — замысловаты и трудно произносимы». Для самостоятельного изучения требуется прочная основа.

— «Чжоуские что-то, Иньские что-то»... ха-ха, в рифму, — рассмеялся Юань Е, а затем подытожил:

— Что ж, ты прав. Ни по случаю употребления, ни по уровню познаний мне эта книга не подходит.

Ван Ичжи промычал что-то в ответ и снова склонился над бумагой, продолжая записывать «Далекое странствие».

Юань Е, подперев подбородок рукой, понаблюдал за ним немного, но от скуки не выдержал и снова завёл разговор:

— А почему тебя назвали Ван Ичжи?

Кисть в руке Ван Ичжи дрогнула, и на бумагу упала клякса. Он повернулся к Юань Е с изумлённым лицом.

Юань Е, понимая, что лезет не в своё дело, но решив во что бы то ни стало поддержать беседу, сделал серьёзное выражение лица:

— Подумай только, хорошо ещё, что ты Ван. Будь ты Ся или Се — стал бы «Креветкой-одной» или «Крабом-одним». А уж если бы Чжу...

Ван Ичжи уставился на него неотрывно, обрубив на корню этот поток мыслей. И до конца занятий, и по дороге домой он не удостоил Юань Е ни единым взглядом.

Юань Е вернулся на гостевой двор в некотором недоумении. Но, как ни странно, мысль о том, что он обидел Ван Ичжи, не вызывала в нём беспокойства. Может, из-за того, что они знакомы с младенчества, но ему казалось, что Ван Ичжи по-прежнему, как в детстве, забудет его выходку в мгновение ока.

Во дворе был только Жуань Гуйцой. Прождав всё утро в одиночестве, он изрядно заскучал и, едва завидев Юань Е, набросился на него с вопросами:

— После обеда снова в школу?

— Нет, занятия только до полудня, — ответил Юань Е, заглядывая в дом. — А где Си-нян?

— С утра отправилась к госпоже Цуй, — сказал Жуань Гуйцой и, уперев руки в бока, спросил:

— Что вы вчера там натворили? Она пришла просить, чтобы я взял ещё одного ученика.

Юань Е, немного подумав, всё понял и объяснил:

— Это сама госпожа Цуй так задумала. В обмен она уговорила дядю Вана с сегодняшнего дня обучать меня искусству перевоплощения.

<http://bllate.org/book/15944/1425722>